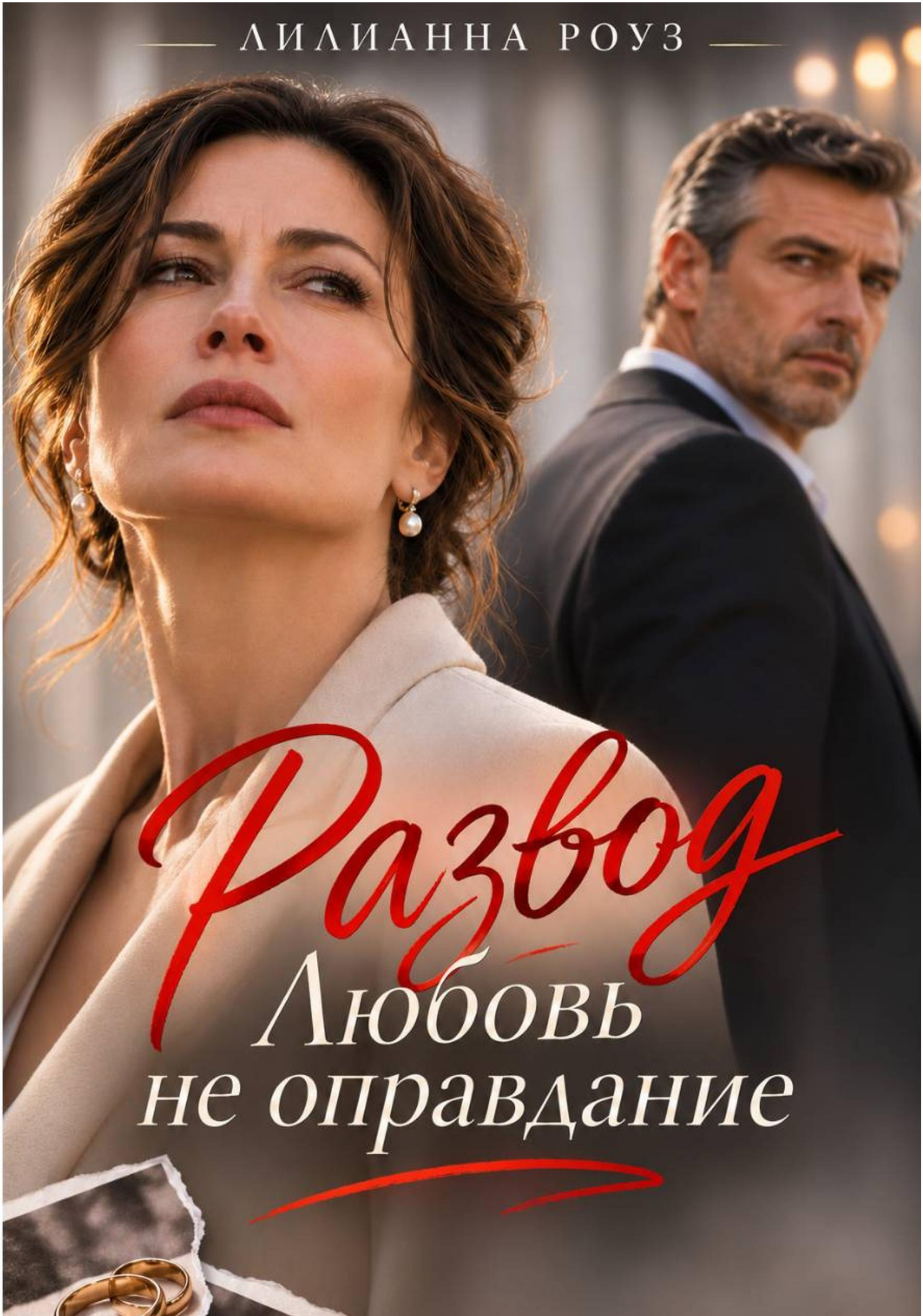
ЛИЛИАННА РОУЗ

Развод
Любовь не оправдание

Лилианна Роуз

Развод. Любовь не оправдание

«Автор»
2026

Роуз Л.

Развод. Любовь не оправдание / Л. Роуз — «Автор», 2026

В сорок семь Раиса учится жить после развода. И снова ждет встречи с мужчиной, который интересуется ею самой, а не ее умением заботиться обо всех. Руслан умеет слушать и смешить, но не обещает решить все ее проблемы. Есть только одно «но»: он отец невесты ее сына.Когда свадьба молодых срывается из-за измены Федора, Раиса не собирается оправдывать сына. Но и перестать быть его матерью не сможет. Руслан тоже остается отцом девушки, которой причинили боль.Они не скрывают свою любовь и не просят детей помириться ради них. Но когда Федор объявляет о новой свадьбе, у Раисы уже есть другие планы с Русланом. И ни одно решение не обещает обойтись без потерь.

© Роуз Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая рассадка 5
Глава 2. После встречи 8
Глава 3. Не объясняй это любовью 11
Глава 4. Дочери нужен отец 14
Глава 5. День без свадьбы 17
Глава 6. Не по делу 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лилианна Роуз
Развод. Любовь не оправдание

Глава 1. Чужая рассадка

На листочке с ее именем Денис поставил жирную точку. Раиса узнала ее сразу: так он помечал все, что считал решенным. Рядом стояло «Денис», дальше — его сестра, потом двоюродный брат с женой. Двадцать шесть лет общей жизни уместились между солонкой и салфетницей.

— Здесь плохо видно молодых, — сказала Раиса.

— Зато возле родителей, — отозвался Денис, не поднимая головы. — Все равно будешь ходить, фотографировать. Какая разница, где сидеть?

Он пришел в рубашке, которую она когда-то покупала ему ко дню рождения. Голубая ткань, узкая белая полоска на манжете. До июня Раиса сама складывала такие рубашки на его полку; теперь занималась этим другая женщина или он научился. Почему-то именно манжета разозлила ее сильнее, чем его имя на соседней карточке.

— Тогда тебе тоже все равно.

Она взяла свой прямоугольник бумаги и перенесла к другому краю стола. Там было окно, а на схеме значились тетя Федора и две Кристинины коллеги.

Денис наконец посмотрел на нее.

— Рая, мы же не для себя стараемся. Можно один день нормально посидеть?

— Можно. Я здесь посижу.

Она прижала карточку чашкой. Чашка оказалась с остатками чужого кофе, пришлось тотчас убрать ее, промокнуть край салфеткой. Раиса усмехнулась: вот тебе и твердый характер — сначала посмотри, что берешь.

У входа послышался смех Кристины. Они с Федором тащили большой рулон, каждый за свой конец, хотя справился бы и один. Кристина шла спиной, в светлых брюках, и командовала, чтобы Федор не наступал на край. Он нарочно подбирался ближе, она отмахнулась рулоном, оба остановились в дверях.

— Схема рассадки прибыла с военными почестями, — объявил Федор. — Мам, ты давно?

— Достаточно, чтобы уже пересесть.

Он поцеловал ее в щеку, Кристина обняла за плечи. От девушки пахло нагретыми на солнце волосами. Раиса была с ней знакома два года, успела узнать, что Кристина не любит пирожные с тяжелым кремом и всегда возвращает одолженные вещи раньше, чем о них вспомнят. Сегодня на ее пальце блеснуло тонкое кольцо. Федор на секунду сжал эту руку — быстро, привычно.

— Папа машину переставляет, — сказала Кристина. — Тут нельзя оставлять у ворот. Сейчас придет.

— Мы дождемся, — ответила администратор зала и развернула перед ними папку. — Пока уточним проход.

Собрались они из-за прохода. На фотографиях между накрытыми столами оставалось много места. Сейчас, без скатертей, столы теснились почти вплотную. Если поставить еще два места у стены, официантам пришлось бы протискиваться боком. Федор предложил сдвинуть арку, Кристина возразила, что тогда она закроет дверь. Денис занялся числом горячих блюд. Раиса почувствовала, что ее опять, как бывало дома, оставляют между чужими уверенными решениями с задачей потом устроить все по-человечески.

Она подняла рулон схемы, освобождая стол.

— Отнесу к окну. Там можно разложить.

Бумага с неожиданным стуком развернулась, край ударил по спинке стула. Раиса прижала его локтем, повернулась и обнаружила, что застряла: спереди стол, сзади стул, сбоку высокая ваза с искусственными ветками.

— Если немного повернете нос, можно пройти, — сказал незнакомый мужчина.

Она посмотрела на него поверх рулона.

— Мой?

— Судна. Ваш трогать не требуется.

Он стоял у входа, крепкий, в синей короткой куртке, с ключами в руке. Седина была только у висков, остальная волнистая шевелюра темнела над высоким лбом. Мужчина не выхватывал у нее бумагу, а показывал свободной ладонью: сюда, чуть наискось. Раиса повернула рулон, и путь действительно освободился.

— Все, вышли из гавани, — сказал он. — Теперь я заберу вазу, пока она не присоединилась.

— Пап, это Рая, — окликнула Кристина. — Мама Феди. Рая, папа — Руслан.

— Горина, — зачем-то добавила Раиса.

— Ковалев. Очень приятно. Мы, кажется, уже дважды здоровались через телефон, но в основном я слышал, что у кого-то заканчивается зарядка.

Она вспомнила: весной, когда дети объявляли о помолвке по видеосвязи, Руслан был в дороге. В маленьком прямоугольнике экрана он выглядел старше и гораздо серьезнее. Потом ей надолго стало не до знакомства с будущими родственниками.

— У меня, — призналась она. — Я тогда зарядила все, кроме телефона.

— Хорошее начало семейного знакомства.

У окна он придержал бумагу, пока Раиса снимала резинку. Кончики его пальцев были широкими, ногти коротко подстрижены. Рулон норовил свернуться, и они по очереди ловили края, переставляя по схеме перечницы и маленькие стаканы.

— Теперь у нас гости сидят под приправами, — заметила она.

— Зато ни один не уйдет раньше горячего.

Кристина подошла с карандашом, серьезная и веселая разом. Над рисунком она объясняла быстро, уверенно: здесь родители, здесь друзья, здесь оставить место для танцев. Раиса смотрела, как Федор слушает ее, склонив темную голову. Он всегда двигался порывисто, а рядом с Кристиной словно находил нужную скорость. Хотелось верить, что вот у них получится проще. Без долгих молчаний на кухне, без чужих ключей на тумбочке, без фразы «ты же все понимаешь», с которой Денис сообщил об Инессе.

— Мама здесь хочет, — сказал Федор, заметив карточку. — Давайте так и оставим.

Раиса посмотрела на него с благодарностью и тут же рассердилась на себя за эту благодарность. Он всего лишь прочитал написанное.

— Тогда я сюда. — Руслан ткнул карандашом в противоположную сторону. — Мне подойдет.

— Ты рядом с Тамарой будешь, — предупредила Кристина. — Она рассказывает про своего кота.

— Я тоже могу рассказать про ее кота. Ты уже все мне переслала.

Девушка засмеялась. Денис поднял глаза от папки и предложил наконец не отвлекаться. Никто не спорил с ним, просто разговор продолжился без его разрешения.

Они еще полчаса двигали нарисованные столы, сравнивали ширину проходов и искали карандаш, который Кристина держала в зубах. Потом вышли на заднее крыльцо посмотреть, где будут встречать гостей. Конец августа пах горячей пылью, укропом с соседнего огорода и свежей краской перил. Вдалеке затрещал старый автобус.

Федор спрыгнул с последней ступеньки и протянул Кристине руку. Она не стала прыгать, спустилась сама, но ладонь его не отпустила.

— После регистрации сюда или сначала на набережную? — спросила она.

Денис предложил нанять еще одну машину. Раиса достала телефон, проверяя время дороги от регистрации до зала. Руслан, стоявший рядом, наклонился к экрану.

— В субботу здесь можно попасть на рынок. Лучше проверим. Я все равно собирался проехать.

— Я тоже могу, — сказала она прежде, чем успела обдумать.

Кристина обрадовалась: у них с Федором и так целый список. Руслан назвал время через несколько дней, Раиса записала. Они обменялись номерами, и она сохранила его просто «Руслан».

Когда все начали расходиться, Денис привычным движением открыл перед Раисой дверцу своей машины.

— Подвезти? Мне в твою сторону.

Она едва не села. Ноги помнили удобную высоту сиденья, рука уже потянулась к ручке. И это оказалось неприятнее, чем вид знакомой рубашки: тело не знало, что прежнего дома больше нет.

— Нет, спасибо. Я пройдусь.

— Жарко же.

— Поэтому и пройдусь. Скоро кончится.

Он пожал плечами и закрыл дверцу. Раиса накинула на плечо сумку. Руслан у своей машины складывал в багажник рулон. Увидев ее, поднял ладонь.

— Судно доставлено без потерь.

— Берегите. Там половина пассажиров под перцем.

Он рассмеялся, запрокинув голову. Раиса смотрела на него и улыбалась. По дороге к остановке Раиса два раза доставала телефон. Сначала посмотреть время, потом будто бы проверить, не забыла ли подтвердить рабочую смену.

На самом деле ей хотелось снова увидеть короткую запись в контактах: «Руслан».

Глава 2. После встречи

У памятника с бронзовым венком Руслан ждал ее под огромной доской объявлений. Доска обещала ремонт обуви, занятия танцами и счастливую жизнь в новом доме. Сам Руслан ничего не обещал: ел мороженое из бумажного стаканчика и сосредоточенно изучал облупленный сапог бронзового солдата.

— Рано приехал, — объяснил он, заметив Раисин взгляд. — Пришлось спасаться.

— От чего?

— От обязанности прилично стоять и ждать.

Она пожалела, что не купила мороженое тоже. После душного автобуса хотелось чего-нибудь холодного, но они собрались проверить свадебный маршрут, а не гулять.

— Здесь в жару всегда продают. Хотите?

— Хочу. Только сама выберу, а то вы предложите самое разумное.

— Разумного мороженого не существует. Оно все капает.

Пока она стояла у киоска, Руслан доел свое и выбросил стаканчик. Раиса взяла черносмородиновый лед, тут же испачкала палец и признала его правоту. Они пошли вдоль улицы к зданию, где детям предстояло регистрировать брак. Руслан оставил машину дальше, чтобы пройти пешком от дверей до удобной стоянки и засечь время. Федор утром прислал три сообщения, Кристина — снимок плана с обведенным двором. Раиса открыла его на телефоне.

— Здесь вроде можно.

За оградой начинался узкий проезд. Во дворе разгружали фургон, двое мужчин таскали ящики, а у стены стояла машина с открытой дверью. Один из грузчиков глянул на план и покачал головой: этот въезд для доставки, гостей сюда лучше не вести. Кратчайший путь на картинке закончился стопкой пустых коробок.

Они вернулись к улице. Черносмородиновый лед таял быстрее, чем Раиса успевала с ним справляться.

— У вас салфетка есть?

Руслан вытащил из кармана сложенную бумажную салфетку, потом отвернулся и стал внимательно смотреть на движение. Она со смехом доела остаток, вытерла пальцы.

— Теперь можно смотреть. Торжественная часть завершена.

— Я пропустил финал?

— Вы ничего не потеряли.

Поездка до набережной заняла двенадцать минут. Раиса сидела впереди, держа телефон с таймером на коленях. В машине было чисто, но на заднем сиденье лежали рабочая папка, свернутая ветровка и один носок.

— Знаю, — сказал Руслан, заметив ее взгляд в зеркало. — Из сумки выпал. Я хожу в бассейн и верю, что вещи могут собираться сами.

— Пока не получается?

— Половина справилась.

Она смеялась чаще, чем собиралась. После развода знакомые мужчины либо старательно не замечали ее положения, либо начинали спрашивать, как она «держится». От этого хотелось немедленно уронить что-нибудь тяжелое. Руслан спрашивал, куда поворачивать и правда ли в ее выставочном центре хранился однажды гигантский деревянный заяц.

— Не хранился, а участвовал в выставке. Три метра с ушами. Его привезли до открытия, а я одна на смене. Автор сказал: «Не волнуйтесь, он разборный». Только инструкцию пообещал прислать вечером.

— Разобрали?

— Сначала поставили в вестибюле. Посетители фотографировались, начальство говорило, что так и задумано. К вечеру автор вспомнил, где крепление.

— И вы после этого все еще любите искусство?

— Я не искусствовед. Я люблю, когда люди приходят посмотреть на что-нибудь, кроме собственных забот. Даже если для этого нужен заяц.

У набережной они вышли из машины и проверили лестницу. Ступени были широкими, перила теплыми. Раиса представила Кристину в платье, с длинным подолом, и отправила ей фотографию бокового спуска. Руслан записал, где удобнее высадить пожилых гостей. С воды тянул ветер, хлопали полотнища над летним кафе. Она не торопилась возвращаться.

— До зала еще пятнадцать минут, — сказал он. — Поедем?

— Да.

В свадебном зале их не ждали: все нужное уже обсудили. Они только убедились, что дорога свободна, и остановились на соседней улице. Работа закончилась слишком быстро. Раиса расстегнула ремень и посмотрела на часы.

— Спасибо. Отсюда мне удобно автобусом.

— Можно я предложу другой транспорт?

Она чуть насторожилась.

— Ногами, — уточнил Руслан. — За углом кофейня. Если вы не спешите, я бы посидел с вами еще.

Раиса ждала, что он добавит что-нибудь о детях. Он ждал ее ответа.

— Я не спешу.

В кофейне было два свободных столика: один под холодной струей воздуха, другой у окна, где лежала полоса солнца. Она выбрала второй. Руслан потянулся было отодвинуть ей стул, но увидел, что она уже садится, и вместо этого снял с него подушку, упавшую набок.

— Что-то я сегодня все время запаздываю с церемониями.

— Зато успеваете с предложениями.

Официантка принесла меню. Раиса заказала кофе и грушевый пирог, Руслан — чай и тот же пирог, но без шарика сливочного мороженого. На ее вопросительный взгляд он сказал, что нельзя дважды за вечер испытывать судьбу.

За стеклом девушка на велосипеде ждала друга, опираясь ногой о бордюр. Друг появился с букетом, который никак не помещался между рулем и корзинкой. Они спорили, смеялись, переставляли цветы. Раиса отвернулась раньше, чем увидела результат.

— Кристина говорила, вы недавно переехали, — начал Руслан. — Уже обжились?

— Смотря что считать. Ключ в темноте нахожу, это важнее штор.

— А штор нет?

— Есть. Просто хозяйские. Квартиру снимаю.

Раиса отпила кофе и решила договорить.

— Мы с Денисом развелись в июне. До этого прожили двадцать шесть лет. Он ушел к другой женщине. Квартиру разделили, я пока не тороплюсь покупать свою. Вот такая биография.

Руслан положил ложку на блюдце.

— Понятно. Я разведен семь лет. Бывшая жена живет в другом городе, мы иногда созваниваемся из-за Кристины. С тех пор ни с кем не живу.

На этом он остановился. Раиса подвинулась: солнце добралось до глаз.

— А вы свою квартиру любите? — спросил он.

— Съемную?

— Сейчас ваша жизнь там. Значит, вашу.

— Утром люблю. Там окно на восток. Я сначала просыпалась слишком рано и злилась, а потом переставила кресло. Пью кофе, смотрю, как люди бегут на работу. Они ничего обо мне не знают. Это удобно.

— А вечером?

— Вечером хочется наружу. Я много ходила раньше, потом как-то перестала. Ужин, покупки, кому-то срочно нужны чистые брюки. Сейчас прихожу, и никому ничего не нужно. Иногда приятно. Иногда так тихо, что холодильник кажется разговорчивым.

Она сказала больше, чем хотела, и уткнулась вилкой в пирог. Руслан не стал заполнять эту тишину советом. Доел свой кусочек, отодвинул тарелку.

— Я после развода полгода покупал хлеб на двоих. Он засыхал. Потом научился. А гулять так и не привык. Мне все время нужна цель: дойти, забрать, проверить.

— Сегодня вы цели достигли. Сейчас уже можете просто сидеть.

— Вот и сижу. Нравится.

Он смотрел прямо на нее, и Раиса вдруг ощутила вес собственных волос на щеке. Убрала прядь за ухо, хотя обычно не замечала ее. Как глупо: сорок семь лет, сын женится, а ей важно, не осталась ли крошка у губ.

Руслан рассказал о работе. Он налаживал вентиляционное оборудование, ездил на разные объекты, терпеть не мог, когда люди сначала прятали все за красивым потолком, а потом вспоминали, что к устройству нужен доступ. Раиса узнала в этом своих устроителей выставок: сначала повесить огромную картину, потом спросить, куда открывается дверь.

Когда принесли счет, Руслан предложил угостить ее. Раиса согласилась и убрала кошелек, который уже успела достать.

У кофейни она задержалась, ища в сумке телефон. Руслан стоял рядом, не напоминая, что ему пора. На экране мигало имя сына.

— Мам, ты дома? — спросил Федор.

— Еще нет. Скоро буду. Что случилось?

В трубке шуршало, будто он задел микрофон ладонью.

— Можно я приеду? Один. Ты сегодня никуда больше не собираешься?

— Нет. Приезжай.

Она убрала телефон. Солнце уже ушло с фасада, окно кофейни стало темным. Руслан спросил, все ли в порядке, и Раиса ответила, что сын хочет заехать.

— Тогда довезу до дома?

— Не надо. Мне две остановки.

Она сама протянула ему руку, благодарная за вечер и еще за что-то, чему не успела придумать названия. Его пальцы сомкнулись вокруг ее ладони.

— До встречи, Рая.

Первый раз он назвал ее так. По дороге домой это короткое имя звучало у нее в голове рядом с непривычно глухим голосом Федора. Две интонации никак не соединялись.

Глава 3. Не объясняй это любовью

Федор пришел с персиками. Четыре штуки в тонком пакете, один уже продавился и оставил на дне мокрое пятно. Он положил пакет на кухонный стол, посмотрел на него и переложил в мойку.

— По дороге взял.

— Спасибо. Будешь ужинать?

— Не знаю.

Раиса сняла с плиты крышку. В кастрюле оставалась гречка, в холодильнике — запеченная курица. Она успела приготовить их утром, до встречи с Русланом. С тех пор день казался длиннее обычного: свадебная лестница, солнце на столике, теплое пожатие руки. Теперь сын стоял посреди ее новой кухни и не знал, куда деть себя.

— Сядь, Федя.

Он сел на табурет у стены, хотя обычно выбирал стул. На табурете пришлось поджать длинные ноги. Раиса поставила перед ним стакан воды, устроилась напротив. Федор покрутил стакан, оставляя на столе мокрый круг.

— Свадьбы не будет, мам.

Она сначала подумала о зале. О том, что дети решили все сделать иначе, уехать вдвоем, не кормить полсотни человек. Но Федор не улыбался.

— Что произошло?

— Мы с Кристиной расстались.

— Когда?

— Сегодня.

Раиса опустила руки на колени. Не надо спрашивать сразу десять вещей. Она видела, что он собирается сказать еще, и ждала, вглядываясь в знакомое лицо. На подбородке был порез после бритья. В детстве Федор ходил с царапинами на коленях, а она умела по одному его виду определить, что сейчас понадобится — сочувствие или строгий голос. Теперь не умела.

— Я ей изменил, — сказал он.

За стеной включили музыку. Негромкую, с глухим ритмом, которого прежде в этой квартире Раиса не слышала. Она посмотрела на стену, как будто именно оттуда пришли слова.

— Ты сам ей сказал?

— Да.

— Сегодня?

— Да.

— Давно это продолжалось?

Федор вжал большой палец в ладонь.

— Несколько недель. Почти месяц.

Раиса поднялась и закрыла крышку кастрюли. Зачем-то повернула ручку в сторону плиты, хотя огня под ней не было. Почти месяц. Значит, в свадебном зале, когда они катали рулон и смеялись, он уже знал. И когда сжал Кристинину руку. И когда мать переставляла свою карточку, радуясь, что у сына будет иначе.

— Как ее зовут?

— Лиза. Елизавета.

— Она знала, что ты женишься?

— Знала.

Федор говорил без вызова, устало. Раиса хотела, чтобы он разозлился, начал спорить: тогда было бы проще не видеть, как он мучается, не тянуться к нему по старой привычке. Но он сидел и отвечал.

— Мы познакомились через знакомых. Я не собирался... Вначале я думал, просто разговариваем. Потом уже не мог. Мам, я ее люблю.

Слово ударило так знакомо, что Раиса резко обернулась.

— Не объясняй это любовью.

Он вскинул глаза.

— А чем мне объяснить? Я не говорю, что сделал хорошо.

— Ты сейчас говоришь так, будто все случилось само. Ты встречался с другой, возвращался к Кристине и выбирал с ней музыку для свадьбы.

— Я знаю.

— Мне кажется, еще нет.

Она сказала слишком громко. Сын отодвинул стакан, и Раиса увидела, как вздрогнула вода. Денис тоже произносил «люблю». На той, прежней кухне. Рядом остывал ужин, а она почему-то считала плитки на стене, пока он объяснял, что нельзя прожить остаток жизни неправдой. Она едва удержалась, чтобы не повторить сейчас все, что тогда не успела сказать.

Федор опустил голову.

— Ты думаешь, я как отец.

— Я думаю о том, что сделал ты.

Это прозвучало тверже, чем она чувствовала. Она села снова, провела ладонью по столу, собрала невидимые крошки.

— Мне тяжело слышать твои слова. Но наш с отцом развод здесь ни при чем. Ты взрослый. Давай без него.

Федор кивнул. Раиса спросила, где Кристина. Оказалось, уже уехала к знакомой, часть вещей еще в квартире, которую они снимали. Договорились отложить разговор о вещах до завтра. Сам Федор пока оставался там, но собирался съезжать: платить одному за прежнюю общую квартиру не имело смысла. С хозяином следующей квартиры, куда они собирались перебраться после свадьбы, Кристина уже связалась и отказалась.

— Она просила тебя не приезжать?

— Сказала, чтобы я сегодня не звонил.

— Значит, не звони.

— Я не звоню.

Он достал телефон, положил экраном вниз. Раисе захотелось отодвинуть его подальше, хотя телефон даже не звонил.

— Там деньги за зал, оформление... — начал Федор. — Часть уже не вернут. Мы вместе платили. Я свою часть отдам, она не должна одна это разгребать.

— Ты с ней это обсудил?

— Только сказал. Она ответила, что потом пришлет суммы. Ей сейчас не до счетов.

— Хорошо. Дождись и сделай.

Она умолкла, уже представляя, как позвонит Кристине, попросит встретиться, скажет, что понимает ее. Не станет уговаривать, только поговорит. Но за этим «только» пряталось желание выправить то, что сын сломал. Как она выправляла его школьные поделки, когда он засыпал над картоном и клеем.

Теперь нечего было подержать ровно, пока схватится.

— Ты хочешь, чтобы я ей позвонила? — спросила Раиса.

Федор долго смотрел в стакан.

— Я не знаю. Наверное, ей было бы легче услышать, что ты... Что ты не считаешь ее виноватой.

— Она спрашивала?

— Нет.

— Тогда я не стану являться к ней со своим мнением. Если ей нужно будет что-то забрать у меня, договоримся. Но про тебя говорить не буду.

Он потер глаза ладонями и откинулся к стене. Из-под футболки у шеи торчала этикетка. Раиса всю жизнь отрезала ему этикетки, потому что они натирали. Теперь смотрела на маленький белый угол и злилась на собственную нежность: нельзя ли хоть на час перестать замечать такие вещи.

— Поешь, — сказала она.

— Мам, не надо.

— Мне надо. Я тоже голодная.

Она разогрела еду, разложила курицу по двум тарелкам. Федор взял вилку. Некоторое время они ели молча. Он не стал хвалить ужин, и за это Раиса была благодарна: ласковое «у тебя лучше всех» могло сейчас заставить ее заплакать.

— Я не хотел, чтобы ты узнала от кого-то, — произнес он наконец. — И чтобы Кристина объясняла тебе за меня.

— Правильно, что приехал.

— Ты очень меня ненавидишь?

Раиса положила вилку.

— Не заставляй меня сейчас утешать тебя, Федя.

Он покраснел. Отодвинул тарелку, потом вернул ее на место, съел еще немного. Она знала этот детский способ показать, что он понял и будет вести себя хорошо.

Когда сын собрался уходить, Раиса вынула персики из пакета, отмыла их и положила в миску. Один оказался совсем мягким сбоку. Она срезала испорченное, остальное убрала на блюдце.

Федор стоял в прихожей.

— Обнять можно?

Она подошла сама. Он наклонился, прижался щекой к ее волосам. Раиса обхватила его спину обеими руками и крепко зажмурилась.

— Позвони, когда доедешь, — сказала Раиса.

— Позвоню.

После его ухода она долго не убирала вторую тарелку. На подоконнике лежала распечатанная схема свадебного зала, которую она взяла, чтобы проверить имена родных. Свою новую точку возле окна Раиса нашла сразу. Рядом кто-то мелко приписал: «Хороший свет для фото».

Она сложила лист пополам. Потом еще раз. Он не хотел помещаться в ящик и цеплялся за стенки, пока она не убрала сверху моток бечевки.

Телефон лежал рядом. Раиса открыла переписку с Русланом — там были только фотографии дороги и короткое «Двенадцать минут, успеваем». Написать «Я ничего не знала» означало прежде всего защитить себя. Позвонить и спросить, как Кристина, — войти в их вечер со своим несчастьем.

Она выключила экран.

На блюдце темнел надрезанный персик. Раиса съела его стоя, над мойкой, не чувствуя сладости. Еще днем она могла представить, как эта кухня однажды наполнится людьми: сын с женой, ее отец, кто-нибудь из друзей, все тесно, шумно, без пустого места Дениса. Теперь в воображаемой комнате погас свет. А живой Руслан остался где-то за ее стенами, и она не знала, допустимо ли даже вспоминать, как он смотрел на нее за столиком.

Глава 4. Дочери нужен отец

Кристина вынесла первую коробку, когда Руслан еще искал место для машины. Коробка была широкая, с ручками, прорезанными слишком низко. Дочь прижимала ее к животу и смотрела поверх края прямо перед собой.

Он остановился у подъезда, включил аварийный сигнал и вышел.

— Поставь. Сейчас найду, где встать.

— Там нечего искать. Все занято.

— Значит, чуть дальше.

— Пап, давай просто загрузим.

Она сказала это таким голосом, что Руслан взял коробку и молча открыл багажник. Внутри что-то глухо стукнуло.

— Посуда?

— Книги. Посуда сверху.

Он хотел спросить, зачем она сложила их вместе, но вовремя закрыл рот. Обычно Кристина сама рассказывала ему, как надо распределять вес. Сегодня у нее были красные веки и тугой, неровно собранный хвост. На шее отпечаталась цепочка от сумки.

Федора в квартире не было. Они договорились заранее, и Руслан был рад этому с такой силой, что стало стыдно. Он все еще не знал, куда деть руки, если увидит человека, который еще неделю назад говорил с ним о счастливой Кристине.

В прихожей стояли два чемодана и мешок с постельным бельем. На зеркале сохранилась записка: «Забрать ключи, пятница, семь». Руслан не стал разглядывать ее, взял чемодан. Колесо цеплялось за порожек.

— Этот в машину, остальное я доберу, — сказала дочь.

— Я могу коробки сложить.

— Сложи. Только не трогай кухню.

Он нашел рулон скотча на полу гостиной. У стены лежал плоский пакет с образцами древесных оттенков, рядом — нарисованный Кристиной план. Руслан узнал комнату: она показывала ему фотографии новой съемной квартиры, где они с Федором собирались жить после свадьбы. Просторная, с нишей под рабочий стол. Дочь уже рассчитывала, как разместить там свои чертежи и не превратить жилье в мастерскую.

— Это берем? — спросил он, не поднимая план.

Кристина выглянула из кухни.

— Образцы берем. Бумагу оставь.

Он загнул картонный клапан коробки, проклеил дно. Скотч шипел слишком громко. Из кухни звякнула чашка, потом другая. Руслан старался не слушать.

— Они уже сдали квартиру другим, — сказала дочь вдруг.

— Кто?

— Хозяева. Ту, новую. Я позвонила, сказала, что мы не въезжаем. Они через час написали: «Нашли людей». Даже легче стало. Будто дверь закрыли и можно отойти.

Она вернулась в гостиную с кастрюлей, полной кухонных мелочей. Поставила ее на диван, вытянула из-под нее половник.

— Хотя дверь мне нравилась. Там хорошая дверь. И окно на две стороны.

Руслан присел на край дивана. Хотел сказать, что они найдут лучше. Посмотрел на бумажный план и промолчал. Кристина столько времени подбирала ту квартиру, ездила смотреть после работы, однажды отпросилась пораньше.

— У тебя у Ирины точно поместится стол?

— Мой большой — нет. Пока возьму маленький. Она комнату освобождает, там шкаф и кровать есть. Об остальном договорились.

— Можешь ко мне.

— Пап, от тебя до моей работы через весь город. И я не хочу жить в твоей гостиной. Мне двадцать шесть, мне нужно закрывать дверь, а не ходить перед тобой туда-сюда с этим лицом.

Он хотел возразить про лицо и снова передумал.

— Ладно. Маленький стол разбирать?

— Да. Крепеж сложи отдельно, пожалуйста.

Он сходил в машину за сумкой с инструментами. Пока откручивал ножки, дочь ходила по квартире, открывала шкафы и каждый раз замирала на секунду, будто сомневалась, имеет ли смысл забирать содержимое. В конце концов вынула из ванной полосатое полотенце, сунула в мешок и резко затянула шнурок.

— Он сегодня опять написал.

Руслан остановился, держа в пальцах винт.

— Что?

— Что хочет все обсудить нормально. А у нас что было, ненормально? Он рассказал, я слушала. Все поняла. Несколько недель, пока мы ездили выбирать зал. Пока он мне говорил, что не любит голубые салфетки.

Она засмеялась, коротко и некрасиво, сама испугалась этого звука.

— Мне теперь голубые салфетки ненавидеть? Столько ерунды в голове, пап. Я сижу на работе и помню, как искала им цвет.

Руслан положил винт в пакет. Встал, хотел обнять дочь, но она качнула головой. Он остановился рядом.

— Тебе сейчас не надо с ним говорить.

— Знаю. Только хочется написать что-нибудь такое, чтобы он тоже сидел и не мог работать. Потом вижу себя с телефоном и становлюсь еще злее. На себя уже.

— Давай я сегодня довезу тебя. Потом поедим, если захочешь.

Кристина потерла пальцами переносицу.

— Вот это давай.

Они закончили разбирать стол. Руслан обмотал ножки старым полотенцем, чтобы не стучали в дороге. Дочь проверила ящики, открыла холодильник и достала банку горчицы.

— Моя. Очень хорошая. Не оставлю.

— Разумно.

— Ты не обязан так серьезно соглашаться.

— Я тоже люблю хорошую горчицу.

Она впервые за утро посмотрела на него почти прежними глазами. Банку спрятала в боковой карман рюкзака. План новой квартиры сложила вчетверо и оставила на подоконнике.

У Ирины оказался узкий лифт. Большая коробка не проходила в дверь, пришлось повернуть ее на ребро; внутри снова звякнула посуда, и Кристина громко сказала: «Тихо там». Руслан отвечать чашкам не стал, хотя в другой день обязательно бы ответил. На четвертом этаже их встретила сама хозяйка, босая, с полотенцем на плече. Она показала комнату и ушла варить чай, не задавая вопросов.

Кристина сразу открыла окно. За окном рос тополь, листья почти касались стекла. Комната была теснее прежней, зато в ней не было ни одной чужой вещи, кроме мебели. Руслан собрал стол и подложил под короткую ножку сложенный картон.

— Только на первое время, — сказал он. — Потом нормально подгоню.

— Он и раньше шатался. Я привыкла.

— Я не привык.

Дочь достала из коробки папку с документами по свадьбе. Руслан посмотрел на нее, и Кристина поняла.

— Часть вернут. За кое-что уже поздно. Мы записались, нам приготовили, люди работали. Федя сказал, что свою долю мне переведет. Я еще не считала до конца.

— Если сейчас не хватает...

— Хватает. Мне неприятно, что на это снова надо тратить силы. Я уже один раз все считала. Радовалась, что помещаемся в сумму.

Она вынула несколько листов, положила на стол, потом убрала обратно. Сегодня счета тоже могли подождать. Руслан вытащил из рюкзака горчицу, чтобы не забыли в тепле, и отнес на кухню.

Когда они поели, Ирина ушла в магазин. Кристина сидела на полу у открытого чемодана и сортировала одежду. Руслан держал пустые вешалки.

— У Раи остались мой серый жакет и папка с рабочими распечатками, — сказала она. — Помнишь, я ей показывала ту стойку для выставки? Я тогда все привезла, а папку забыла. Потом все собиралась забрать.

Руслан почувствовал, как изменилось что-то в его лице. Он надеялся, дочь не заметила.

— Я напишу ей.

— Только без разговоров обо мне. Не надо рассказывать, что я плакала.

— Не буду.

— Она ведь не знала. Федя сказал, что вчера к ней поехал.

— Я и не думал, что знала.

Он ответил сразу. И вспомнил Раю в кофейне, ее руку у чашки, темную прядь возле лица. Вспомнил с такой неуместной отчетливостью, что пришлось отвернуться к шкафу. Дочь сегодня потеряла общий дом, свадьбу и человека, которому верила. А он, пока держал пустую вешалку, успел захотеть снова услышать смех его матери.

Кристина подняла с пола свитер, подала ему. Он повесил аккуратно, расправил рукав.

— Я сама с ней договорюсь, когда смогу, — сказала дочь. — Пусть только соберет.

Внизу, уже в машине, Руслан долго смотрел на черный экран телефона. В переписке с Раисой оставался снимок широкой лестницы. Он убрал его из виду, написал: «Рая, у вас остались Кристинины жакет и рабочая папка. Она попросила собрать, позже свяжется насчет передачи. Спасибо».

Ответ пришел, когда он выезжал со двора. «Все нашла. Пусть напишет, как ей удобно». Ни оправданий, ни вопросов. Руслан прочитал дважды на светофоре, потом положил телефон экраном вниз. Впереди машина включила поворотник слишком поздно, он сердито выдохнул и пропустил ее.

Дома ему предстояло убрать инструменты, разобрать бумаги к утренней работе. Обычный вечер, который теперь никак не начинался. Он еще чувствовал на ладонях вес дочериных коробок.

Глава 5. День без свадьбы

Кристина выбрала половину восьмого вечера и остановку возле выставочного центра. Раиса вышла на пять минут раньше, держа в одной руке чехол с жакетом, в другой — плотный пакет. Папку она проверила накануне: внутри лежали чертежи стойки и лист с рукописными заметками. Ничего не переставляла.

Девушка появилась со стороны трамвайных путей. На ней были джинсы и короткая ветровка, волосы собраны на затылке. Она посмотрела сначала на пакет, потом на Раису.

— Здравствуйте. Спасибо, что принесли.

— Здравствуй. Здесь папка, а жакет отдельно, чтобы не помять.

— Хорошо.

Кристина забрала обе вещи. Раиса заметила, что у нее свободна только одна рука: в другой она держала тяжелый цилиндрический тубус. Захотелось предложить довезти, хотя собственной машины у Раисы не было. Поймать такси, поехать с ней, хотя бы подержать этот тубус. Вместо этого она отступила от края остановки, пропуская женщину с коляской.

— Рая, я сейчас не могу разговаривать, — сказала Кристина.

— Я понимаю. Все вещи здесь.

Она почти добавила «если что-нибудь понадобится», но девушка уже посмотрела на приближающийся трамвай.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания.

Двери закрылись. Внутри Кристина поставила тубус между коленей, пакет устроила на плече. Раиса отвернулась раньше, чем вагон тронулся. По дороге домой она купила хлеб и яблоки, рассердилась на продавца за порванный пакет и только в подъезде поняла, что дело было не в пакете.

Через несколько дней наступило то утро, ради которого все лето покупали, записывали и договаривались. Раиса проснулась до будильника. Сентябрьский свет лежал на стене бледным прямоугольником. По первоначальному плану сейчас ей следовало ехать в парикмахерскую, потом надевать платье, проверять, взяла ли салфетки и запасные колготки. Запись она отменила. Платье осталось в шкафу — темно-синее, с мягкими складками, слишком праздничное для обычной субботы.

Она надела брюки и сливовый свитер. На улице похолодало, пригодился охристый плащ. У двери стояли две коробки с арендованными подсвечниками: Раиса забирала их заранее, чтобы вместе с Кристиной попробовать расстановку цветов. После отмены свадьбы условились привезти в ближайший день, когда работал склад возвратов. Руслан должен был вернуть свою коробку с подставками. Они переписались только о времени.

Такси остановилось у низкого кирпичного здания. Раиса вытащила коробки, водитель помог поставить одну на тротуар и уехал. Дверь склада оказалась тяжелой, с тугой пружиной. Пока она прикидывала, как перенести все за один раз, из-за угла появился Руслан с коробкой под мышкой.

— Доброе утро.

— Доброе.

Он взялся за ручку двери и прижал ее плечом. Раиса прошла первой. Внутри пахло картоном и сырой древесиной, на полках стояли одинаковые белые вазы. Девушка за столом проверила фамилии, нашла запись и попросила выложить вещи на длинную скамью.

Руслан снял куртку. Под ней был серый джемпер с чуть растянутыми манжетами. Раиса вспомнила кофейню и тотчас наклонилась к коробке.

Подсвечники оказались без всякого торжественного вида: небольшие стеклянные цилиндры в толстых бумажных обертках. Их было двенадцать. Раиса вытаскивала, Руслан снимал бумагу, девушка считала.

— Одиннадцать, — сказала она.

Раиса заглянула в пустую коробку.

— Должно быть двенадцать.

Они проверили вторую, потом коробку Руслана. Он поднял каждый кусок упаковки, встряхнул пакет. Раиса мысленно увидела свою квартиру: подоконник, кухонный стол, верх холодильника. Нигде не было стеклянного цилиндра.

— Может, в одном бумага потолще, — предположила она.

Руслан уже начал собирать обертки заново. Девушка поворачивала подсвечники, переставляя из одного ряда в другой. Наконец Раиса обнаружила пропажу прямо перед собой: поставила двенадцатый у края скамьи и опустила внутрь телефон, чтобы не мешал.

Она вынула телефон.

— У меня, оказывается, дорогая подставка.

Руслан посмотрел на цилиндр, затем на нее.

— Очень надежная. Украсть можно только вместе с люстрой.

— Это не люстра.

— Масштаб — вопрос времени.

Девушка за столом рассмеялась. Раиса тоже, неожиданно громко. В пустом складе смех отдался эхом. На одну секунду стало неловко, как будто в этот день нельзя было так смеяться. Потом Руслан подвинул двенадцатый цилиндр к остальным, и работа продолжилась.

Подставки приняли без происшествий. Они получили подтверждение возврата и вышли на улицу с пустыми коробками. Руслан сложил свою, но картон упорно распрямлялся. Раиса показала, где надо нажать на дно.

— Профессиональное знание? — спросил он.

— На выставках половина работы — убедить коробку, что она уже не коробка.

— У меня пока не получилось.

Она прижала клапан ладонью. Картон наконец сложился. Они отнесли его к обозначенному месту у стены и остались стоять, внезапно освободившись от дела.

На другой стороне дороги мужчина в желтом жилете красил ограждение. Молодая собака рвалась понюхать кисть, хозяйка уговаривала ее хотя бы сегодня быть умнее забора. Воздух был прозрачный, прохладный. В свадебный день дети хотели солнца — и солнце было.

— Кристина забрала вещи, — сказала Раиса.

— Она мне сказала. Спасибо.

— Там было все?

— Да.

Они помолчали. Раиса едва не начала пересказывать разговор с сыном. Зачем? Руслан об этом не спрашивал.

— Я Федора не оправдываю, — все-таки сказала она. — Но, наверное, вам не нужен мой рассказ об этом.

Руслан посмотрел на дорогу. Когда повернулся, лицо у него было усталое.

— Сейчас не нужен. Я знаю, что вы ничего не знали, Рая.

Из кармана плаща вылез угол бумажной обертки. Она вытащила его, смяла, поискала глазами урну. Руслан показал на столб у остановки. Пока они дошли до него, разговаривать стало проще. Она спросила, не замерз ли он без куртки на складе; оказалось, куртку он забыл на спинке стула у приемщицы. Он закрыл глаза, выдохнул.

— Все стекло вернул. Себя не проверил.

— Я подожду.

Руслан вернулся быстро, уже застегиваясь. У двери он на секунду остановился и глянул на нее, будто проверял, действительно ли она ждет. Раиса помахала ему пустой рукой.

— Вас отвезти? — спросил он.

— Я хочу пройтись до центра. Сегодня мне нужно немного походить.

— Понимаю.

Она пожалела, что сказала это так, словно сразу отказалась от его общества. Руслан сунул руки в карманы, потом вынул одну.

— Рая, можно я вам позвоню?

— Конечно. Если еще что-то осталось...

— Не по делу.

Он произнес просто, без понижения голоса. Раиса посмотрела на него. У виска серебрилась тонкая прядь, ветер трогал воротник куртки. Ей не хотелось уходить. Хотелось, чтобы он позвонил — сегодня, завтра, не ради очередной забытой вещи.

— Можно, — ответила она. — Я буду рада.

Улыбка появилась у него не сразу. Сначала будто ослабло напряжение возле глаз, потом дрогнули губы. Руслан кивнул.

— Тогда позвоню.

Раиса пошла к центру. У первой витрины остановилась поправить воротник плаща. В стекле отразилась женщина с темным каре, немного растерянная, с красными от ветра щеками. Она пригладила волосы и улыбнулась отражению. До центра было еще далеко, и она не спешила.

Глава 6. Не по делу

Руслан позвонил на следующий вечер, когда Раиса пыталась развесить мокрое белье и одновременно слушала Зоино голосовое сообщение. Подруга рассказывала, как на занятии по итальянскому заказала себе не кофе, а целую кофейню. Телефон дрожал на стиральной машине, полотенце не хотело держаться на перекладине. Раиса бросила все и ответила так поспешно, что сама смутилась.

— Добрый вечер. Я вовремя?

— Очень. У меня тут международные переговоры с полотенцем.

— Надеюсь, я не сорвал соглашение.

Он предложил в субботу прокатиться на старом трамвае. В городе несколько раз в месяц выпускали экскурсионный вагон, билеты продавали заранее. Поездка длилась около часа. Потом, если захочется, можно было погулять.

— Я давно собирался, — сказал Руслан. — Но одному ехать смотреть на собственный город было почему-то лень.

— А со мной не лень?

— С тобой хочется. Можно на «ты»?

Раиса села на край ванны.

— Да. И я поеду.

До субботы они созвонились еще раз, совсем ненадолго. Он спросил, как прошел рабочий день; она рассказала о посетительнице, которая требовала выключить музыку в видеоинсталляции, потому что та мешала ей говорить по телефону. Руслан пожаловался на дождь, настигший его между машиной и подъездом. Он умел ставить системы, чтобы воздух шел куда нужно, а собственную куртку высушить к утру не мог. Раиса уже ждала этих нескольких минут в конце дня.

В субботу она пришла на остановку раньше. Исторический вагон стоял на отдельном пути: кремовый верх, красный низ, деревянные планки сидений блестели за окнами. Люди фотографировались рядом. У кабины мальчик спрашивал отца, почему трамвай такой маленький, а отец говорил, что раньше все были компактнее. Раиса улыбнулась.

Руслан появился с двумя бумажными билетами.

— Ты уже осмотрела транспорт?

— Снаружи. Внутри, кажется, все твердо.

— Зато не провалимся.

Высокая ступенька заставила ее взяться за поручень обеими руками. Руслан шел следом. В проходе они одновременно повернулись к одной скамье, столкнулись плечами и засмеялись.

— Я к окну, — сказала Раиса. — Если ты не против.

— Я тоже хотел. Но уступлю за половину обзора.

— Буду сообщать самое важное.

Усаживаясь, она задела его колено. Он подвинулся, насколько позволяла узкая скамья. Оказалось, ровно настолько, чтобы ее рукав все равно касался его джемпера. Охристый плащ она расстегнула, сумку положила на колени. Руслан устроил куртку рядом с собой, но та немедленно съехала на пол.

— У твоих вещей привычка путешествовать отдельно, — заметила Раиса.

— Уже изучила?

— Носок, куртка. Начало коллекции.

Он поднял куртку, сложил вдвое. По вагону прошла женщина с небольшим микрофоном, проверила, всем ли слышно. Колокол звякнул неожиданно близко. Раиса вздрогнула, Руслан улыбнулся ей, и трамвай дернулся с места.

Первые минуты они почти не говорили. Колеса глухо стучали на стыках, стекло возле щеки мелко дрожало. Из высокого окна город виделся иначе. За забором сушилось детское одеяло. На балконе дореволюционного дома стояла спутниковая тарелка, похожая на белую чашу. У светофора велосипедист снял шлем и начал обмахиваться им, сердито глядя на красный свет.

— Самое важное, — шепнула Раиса, — мужчина победил шлем.

Руслан наклонился к окну. Его плечо прижалось к ее плечу уже намеренно, и она почувствовала, как теплеет щека.

Экскурсовод рассказывала о прежних торговых рядах. Раиса знала это место только по длинному забору и вывеске мастерской. Теперь, когда вагон обогнул угол, над пристройкой открылись каменные арки. Она удивилась вслух.

— Я каждый день здесь проезжаю и никогда их не видела.

— На них надо смотреть из этого окна. С моего только твой затылок.

Она повернулась.

— Плохой вид?

— Мне подходит.

Руслан сказал это тихо, без улыбки. Раиса посмотрела обратно в окно, но арки уже исчезли. Пришлось смотреть на обычную стену и пытаться не улыбаться слишком явно.

На длинном повороте трамвай заскрипел. Экскурсовод предупредила, что это нормальный голос старого вагона. Мальчик впереди немедленно попробовал изобразить такой же звук. Его мать смутилась, а женщина с микрофоном попросила повторить, потому что получилось удивительно похоже. Полвагона засмеялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.